

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Наши предсоборныя комиссіи открыли свои засѣданія раньше созванія Государственной Думы и въ своихъ работахъ повидимому не находятъ нужнымъ считаться съ тѣмъ, что принесетъ съ собой русская конституція. Въ исторіи древней церкви и въ книгѣ Правилъ ищутъ онѣ какихъ то абсолютныхъ церковныхъ нормъ и думаютъ, что именно по этимъ нормамъ будущій соборъ сможетъ обновить нашу церковную жизнь. Но едва ли и сами члены предсоборныхъ комиссій не сознаютъ по временамъ того, что они оперируютъ съ неизвѣстнымъ, что окончательное рѣшеніе многихъ церковныхъ вопросовъ зависитъ отъ будущаго политическаго устройства Россіи. Недостатокъ твердой почвы для церковныхъ законопроектовъ долженъ чувствоваться нашими духовными комиссіями не только въ такихъ вопросахъ, какъ напримѣръ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковномъ судѣ, но даже и въ вопросахъ о составѣ церковнаго собора, о патріаршествѣ и т. д. Какъ бы обстоятельно ни было аргументировано научными и практическими соображеніями то или иное рѣшеніе этихъ вопросовъ, оно окажется безжизненнымъ, мертворожденнымъ, если не будетъ отвѣчать не только формамъ, но и духу новаго общественнаго и политическаго строя. Съ одной стороны государство простымъ законодательнымъ актомъ можетъ поставить крестъ на церковномъ проектѣ, съ другой стороны народъ, изъ забитаго раба превратившійся въ государственнаго повелителя, смѣнившій соху на законодательное кресло, можетъ и въ церковной

сферѣ заговорить такимъ голосомъ, передъ которымъ покорно смолкнуть всѣ ученыя справки нашихъ канонистовъ. Въ настоящее время повсюду слышится опасеніе, какъ бы наша церковь, освободившись отъ государственной опеки, не осталась въ тискахъ церковной бюрократіи. Мы не считаемъ эти опасенія серьезными, увѣренные въ томъ, что ни государство, не смотря на обѣщанія либеральныхъ партій, не откажется отъ нѣкотораго регулированія той громадной силы, которая представлена въ церкви, ни народъ не окажется безмолвной овечкой передъ деспотическими тенденціями нашихъ клерикаловъ, у которыхъ аппетитъ къ власти не соотвѣтствуетъ ни историческимъ, ни культурнымъ ихъ заслугамъ. Однимъ словомъ едва ли не каждый церковный вопросъ въ своей послѣдней стадіи упирается въ общій вопросъ объ отношеніи церкви и государства и имъ въ значительной степени предрѣшается. Между тѣмъ этотъ вопросъ у насъ почти еще не выдвигается. Не смотря на его крайнюю важность, ему совершенно не отведено мѣста въ нашихъ предсоборныхъ коммиссіяхъ. Наша духовная власть не пользуется случаемъ оказать свое вліяніе на рѣшеніе этого вопроса, хотя онъ можетъ быть болѣе важенъ для церкви, чѣмъ для государства, и во всякомъ случаѣ на его обсужденіе она имѣетъ не меньшее право, чѣмъ и государство. Находя, что благовременно ужъ затронуть этотъ вопросъ въ духовной литературѣ, мы представимъ здѣсь нѣсколько общихъ соображеній, не думая, конечно, что ими исчерпывается разсматриваемый предметъ.

Государство и церковь.

Надъ логически ясными и принципиально безспорными истинами часто въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ виситъ какой-то туманъ, благодаря которому онѣ представляются обычному человѣческому сознанію въ странной, искаженной и потому непріемлемой формѣ. Такой туманъ вѣковыхъ предразсудковъ почти всегда покрывалъ собою христіанскій принципъ свободы совѣсти и неразрывно связанный съ нимъ вопросъ объ отношеніи государства и церкви. Требованіе свободы совѣсти казалось противникамъ этой свободы провозглашеніемъ

полной равноцѣнности всѣхъ вѣроисповѣданій, выраженіемъ безразличнаго и индифферентнаго отношенія людей къ качеству той и другой вѣры, признаніемъ нравственной необязательности христіанства. Эта странная путаница понятій присуща была не только невѣжественной массѣ, но и образованнымъ умамъ, какъ древняго, такъ и новаго времени. Одинъ изъ видныхъ русскихъ канонистовъ, преосвященный Іоаннъ, пишетъ на примѣръ: „Есть религія истинная и есть религіи лживыя. Справедливость требуетъ признавать свободу только тамъ, гдѣ есть истина; а иначе уравнивать въ отношеніи къ свободѣ истину и ложь, значить стѣснять первую и намѣренно усиливать послѣднюю... Полная свобода человѣка въ содержаніи религіи равняется отрицанію ея въ совѣсти, ведетъ къ уничтоженію ея въ дѣйствительности“¹⁾. Въ подтвержденіе своей мысли объ обязательности для людей исповѣдывать лишь одну христіанскую вѣру почтенный канонистъ приводитъ множество свидѣтельствъ изъ постановленій соборовъ и изъ твореній церковныхъ писателей. Но авторъ совершенно напрасно тревожить тѣни умершихъ; защитники свободы совѣсти и не думаютъ отрицать абсолютной обязательности вѣры Христовой. Говоря о свободѣ совѣсти, они понимаютъ ее въ чисто юридическомъ смыслѣ, а именно: вѣра, какъ дѣло совѣсти, не должна терпѣть никакихъ принужденій и насилій и потому не можетъ быть объектомъ гражданскаго права.

Это положеніе одинаково безспорно, какъ съ церковной, такъ и съ современной государственной точки зрѣнія.

Христіанство, какъ религія духа, свободы, любви, не допускаетъ въ дѣлѣ вѣры никакого насилія, въ какой бы формѣ оно не обнаруживалось. Оно отвергаетъ въ жизни церкви не только мечъ, какъ средство принужденія, но и самую власть, какъ органъ принужденія. Внесеніе въ область вѣры принудительнаго элемента нарушаетъ абсолютное различіе между церковью и государствомъ, между вѣрой и правомъ, духовной и свѣтской властью и открываетъ полный просторъ для всякихъ религіозныхъ насилій, вплоть до физическаго преслѣдованія. „Не позволено христіанамъ, поучаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, разрупать заблужденіе при-

1) Православное обозрѣніе. 1864. 3. стр. 40.

нужденіемъ и насиліемъ; напротивъ они должны дѣйствовать для спасенія людей убѣжденіемъ, наученіемъ, благостію“. Къ сожалѣнію евангельская истина свободы совѣсти воплотилась ясно вставала передъ сознаніемъ христіанъ лишь тогда, когда карающій мечъ былъ обращенъ противъ нихъ. Какъ только они сами получали возможность оказывать внѣшнее давленіе на своихъ противниковъ по вѣрѣ, они нерѣдко начинали доказывать необходимость принудительныхъ ограниченій въ вопросахъ вѣры. Тотъ же Августинъ, который звалъ къ свободѣ совѣсти, когда былъ гонимъ аріанами, въ борьбѣ съ донатистами рекомендовалъ приводить къ почитанію Бога, „принуждая властью, или утѣшая благодѣяніями“. „Кто изъ насъ и кто изъ васъ, говорилъ онъ, не хвалить законовъ, изданныхъ императорами противъ жертвъ язычниковъ, законовъ, угрожающихъ этому безбожію смертною казнью?“ „Преслѣдуетъ только тотъ, пояснялъ папа Пелагій, кто принуждаетъ къ злему; тотъ же, кто наказываетъ злое или нечестивое или припятствуетъ его совершенію, тотъ не преслѣдуетъ, но проявляетъ любовь“.

Что христіане, не исключая и лучшихъ своихъ представителей, всегда имѣли нѣкоторое тяготѣніе къ ограниченію свободы совѣсти, это имѣло свою причину въ глубокихъ особенностяхъ человѣческой природы. „Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, говоритъ великій Инквизиторъ, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. Нѣтъ заботы непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже безспорно, столь безспорно, чтобы люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непременно *всѣ* *вмѣстѣ*. Вотъ эта потребность общности преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка одиночно и какъ цѣлаго человечества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечемъ... Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою.

Вмѣсто твердаго древняго закона—свободнымъ сердцемъ онъ долженъ былъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ передъ собою—но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же наконецъ и оспорить даже и Твой образъ и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора... Ты не сошелъ со креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: „сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты“. Ты не сошелъ потому, что опять таки не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника передъ могуществомъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо конечно они невольники, хотя и созданы бунтовщиками... Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ повели какъ стадо, и что съ сердецъ ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки“. Въ подобныхъ же чертахъ изображаетъ происхожденіе правового принужденія въ жизни церкви Зомъ, извѣстный церковный историкъ и канонистъ. Человѣкъ, говоритъ онъ, при всѣхъ своихъ христіанскихъ задаткахъ прирожденный врагъ христіанства. Онъ боится свободы, хочетъ остаться подъ закономъ, требуетъ всѣми своими силами законной статуарной религіи, требуетъ обязательнаго богослуженія, участіемъ въ которомъ исчерпалъ бы весь свой долгъ передъ Богомъ, требуетъ храма Богу изъ земного золота и драгоцѣнныхъ камней, ученія, дающаго безспорное изъясненіе всѣхъ божественныхъ тайнъ, приведеннаго въ форму буквы закона, требуетъ власти и внѣшняго авторитета. Благодаря этому въ церкви скоро явилась юридическая организація, въ религію вошелъ элементъ права, покорность духовной власти стала требоваться не только въ силу добровольнаго согласія вѣрующихъ, но и по праву, церковныя законоположенія получили обязательную принудительную силу. Когда Константинъ предоставилъ христіанству и церкви сначала свободу, а потомъ и положеніе принудительной государственной религіи, начала права и принужденія были уже на лицо въ церкви и нуждались только въ дальнѣйшемъ толчкѣ для того, чтобы перейти изъ области церковной въ область политическую, получить

санкцію верховной власти и совершенно превратиться въ нормы государственнаго правопорядка ¹⁾).

Имѣя свои корни въ слабости и несовершенствѣ естественной человѣческой природы и потому едвали вполнѣ устранимый въ жизни церкви, элементъ принудительности не долженъ однако закрывать собой истинно-христіанскій идеалъ духовной свободы, признающій лишь нравственный авторитетъ любви, но не внѣшній авторитетъ власти, права и силы. Какъ бы ни ослѣплялъ насъ свѣтъ солнца, не слѣдуетъ однако представлять его такимъ, какимъ мы видимъ его сквозь закопченное стекло. Пусть идеалъ церковной свободы неосуществимъ для церкви во всей его полнотѣ, но она ни на одну минуту не должна забывать о немъ и къ нему должна направлять русло не только религіозной, но и общественной жизни. Церковь должна стремиться осуществить идеалъ безвластія и быть союзомъ свободы и любви. Свобода должна открыть полный просторъ личности, индивидуализировать человѣчество; любовь, не нарушая свободы и индивидуальности, должна собрать людей въ едино стадо, социализировать ихъ. Только въ такомъ идеалѣ церкви найдеть свое примиреніе противоположность индивидуализма и социализма, личности и общества; только здѣсь возможно рѣшеніе главнѣйшихъ проблемъ жизни.

Мы должны особенно настаивать на этомъ идеалѣ непринудительной церкви, такъ какъ для него у насъ имѣется можетъ быть болѣе благодарная почва, чѣмъ гдѣ-либо. Для католиковъ папа есть царь, для протестантовъ король есть и епископъ. Тамъ и здѣсь скрывается неустрашимый источникъ смѣшенія церкви и государства, вѣры и права, свободы совѣсти и принужденія. Въ этомъ смѣшеніи находить свою санкцію культъ власти и насилія. Православная церковь по своимъ принципамъ (а не въ практикѣ) далека отъ того и другого смѣшенія духовной и свѣтской власти и потому хранить въ себѣ возможность осуществленія истиннаго идеала церкви.

Говоря о принудительномъ элементѣ въ церковной жизни, противномъ христіанскимъ принципамъ, мы разумѣемъ вся-

1) См. у Рейснера, Государство и вѣрующая личность. 1905 года. Стр. 36—38.

кія принужденія религіознаго характера, исходятъ ли они отъ церковной власти или отъ государственной. Между тѣми и другими разница въ сущности не столько принципиальная, сколько количественная. Принужденія гражданской власти въ дѣлахъ вѣры представляютъ собою болѣе грубую и сравнительно легко устранимую форму нарушенія церковной свободы. Отсюда осуществленіе свободы совѣсти прежде всего должно начаться съ устраненія государственнаго вмѣшательства въ дѣла вѣры.

Но принципъ свободы совѣсти непреложенъ не только съ церковно-христіанской, но съ истинно-государственной точки зрѣнія. Государственное право не можетъ исходить изъ какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій и догматическихъ положеній. У него нѣтъ и быть не можетъ религіознаго критерія. Поэтому оно совершенно нейтрально въ вопросахъ вѣры; оно можно сказать безрелигіозно. Это значитъ не то конечно, что народъ, составляющій государство, долженъ быть совершенно равнодушенъ къ религіи и къ церкви, но то, что онъ, какъ государство, какъ органъ, ограничивающій права гражданъ, не въ правѣ вступать въ область религіи съ своими принудительными средствами. Лица, союзы, классы, весь народъ—могутъ употреблять всѣ нравственныя усилія къ распространенію христіанской вѣры, но государство должно быть въ этомъ случаѣ нѣмымъ и глухимъ какъ потому, что всякое его вмѣшательство несетъ въ дѣло вѣры подъ той или другой формой мечъ, нетерпимый въ этой области, такъ и потому, что оно не обладаетъ догматическимъ критеріемъ.

Въ средніе вѣка господствовало мнѣніе, повторявшееся даже въ 19 вѣкѣ, что государство должно быть христіанскимъ и ставить своею задачею осуществленіе религіозныхъ цѣлей. Эта теорія, выработанная французскими клерикалами и легитимистами, нашла себѣ наиболѣе энергичнаго представителя въ лицѣ Сталя, приписывающаго государству божественную миссію, въ силу которой цѣлью его является „не только осуществленіе нравственнаго порядка, но и служеніе и повиновеніе Богу и созданіе царства во славу Божию“ ¹⁾. Но ошибочность этой теоріи очевидна. Государство, ставящее себѣ опредѣленныя религіозныя цѣли, должно или

¹⁾ Еллинекъ. Право современнаго государства. 1903. Стр. 157.

въ самомъ себѣ искать источникъ и критерій религіозныхъ идей, или заимствовать ихъ изъ церкви. Въ первомъ случаѣ религіозныя цѣли будутъ зависѣть отъ произвола правительства. Въ такомъ случаѣ члены государства должны слѣдовать вѣрѣ своего государя. *Cujus est regio, ejus religio*. Такой принципъ былъ установленъ Аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 1555 г. Во второмъ случаѣ государство вынуждено искать религіознаго критерія въ тѣхъ или другихъ церковныхъ общинахъ. Но чѣмъ оно можетъ руководствоваться при оцѣнкѣ ихъ, кромѣ своихъ личныхъ симпатій и чисто историческихъ условій? Очевидно и въ такомъ случаѣ окончательный догматическій критерій предоставляется самому правительству, которое при возникновеніи раскола всегда сохраняетъ возможность присоединиться къ мнѣнію неправославныхъ. Такой порядокъ и такіе случаи были въ византійскомъ государствѣ, гдѣ императоры скрѣпляли свою подписью постановленія вселенскихъ соборовъ и иногда оказывались на сторонѣ неправославныхъ. Конечно тотъ и другой порядокъ вещей ни въ какомъ случаѣ нельзя признать нормальнымъ. Тамъ и здѣсь предполагаются два догматическихъ критерія, одинъ въ церкви, другой въ государствѣ. Простая послѣдовательность обязательно требуетъ, чтобы государство преслѣдующее религіозныя задачи, безусловно отказалось отъ всякаго самостоятельнаго выбора между исповѣданіями, а было простымъ орудіемъ церкви. Государство въ такихъ случаяхъ не имѣетъ ни своей воли, ни мысли; оно исполняетъ лишь волю церкви, сливается съ нею. Таково отношеніе государства и церкви—по католической теоріи, которая была выражена Бернардомъ въ слѣдующемъ положеніи: оба меча, и свѣтскій и духовный, одинаково принадлежатъ церкви, причемъ одинъ изъ нихъ употребляется церковью, а другой для церкви, одинъ рукою священника, а другой—рукой воина, по указанію священника и командѣ полководца; оба меча принадлежатъ св. Петру, но одинъ обнажается его рукою, а другой по его приказанію. Надо признать, что эта теорія вполне логична, разъ государству усвоятся религіозныя задачи.

Если государство, какъ принудительная власть, должно стоять внѣ вѣры и догматовъ, относясь безразлично къ религіознымъ вопросамъ, то оно не въ правѣ не только пря-

мыми средствами преслѣдовать и угнетать тѣ или другія вѣроисповѣданія, но и косвенными путями оказывать давленіе на населеніе въ пользу той или иной вѣры. Всякое предпочтеніе, даруемое закономъ представителямъ одной вѣры передъ представителями другой, есть въ сущности такое же нарушеніе и церковнаго и государственнаго принципа свободы совѣсти, какъ и прямое преслѣдованіе. Государство должно относиться одинаково ко всѣмъ религіямъ и ко всѣмъ религіознымъ обществамъ. Исключеніе должны составлять лишь религіи, которыя въ своихъ проявленіяхъ грозятъ государственной безопасности и общественному порядку, вторгаясь такимъ образомъ въ область государственнаго права. Такимъ образомъ принципъ свободы совѣсти послѣдовательно приводитъ къ полному отдѣленію церкви и государства, къ такому отдѣленію, при которомъ государство является индифферентнымъ къ церкви: не запрещаетъ, не преслѣдуетъ ее, но и не покровительствуетъ ей, не подчиняется церкви и не стремится ее подчинить себѣ. Наиболѣе полно принципъ отдѣленія церкви отъ государства проведенъ въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. По конституціи 1789 года государство не покровительствуетъ ни одной опредѣленной церкви. Всѣ церковныя и сектантскія общины пользуются одинаковыми правами и являются для государства частными обществами, подобными всякимъ другимъ обществамъ, имѣющимъ частныя цѣли. Съ другой стороны и государство не можетъ предъявлять церкви никакихъ требованій; представитель церкви можетъ проповѣдовать отъ имени церкви что угодно, даже на политическія темы. Онъ подвергается отвѣтственности лишь тогда, когда нарушаетъ законы, подстрекая вѣрующихъ на примѣръ къ совершенію уголовнаго преступленія.

Идея отдѣленія церкви отъ государства представляется у насъ какимъ-то страшилищемъ. Причина этого кроется прежде всего въ недоразумѣніи. Какъ свобода совѣсти кажется многимъ обезразличеніемъ всякихъ исповѣданій, такъ и мысль о свободной церкви въ свободномъ государствѣ кажется для многихъ принципиальнымъ отрицаніемъ истинности христіанства и православной церкви. Вышеупомянутый нами русскій канонистъ называетъ „прекраснымъ и вожделѣннымъ для блага народовъ“ такой союзъ церкви и государства, при ко-

торомъ „государство принимаетъ подъ свою защиту и содѣйствіе права и законы церкви безъ посягательства на ихъ цѣлость и независимость, своими средствами помогаетъ ея дѣйствительному благоустроенію и благоденствію“, когда церковь получаетъ „содѣйствіе и помощь гражданской власти для сохраненія своего мира, благоустройства и благочинія, особенно тамъ, гдѣ ея собственныя мѣры оказываются недостаточными“. Все это авторъ считаетъ вожделѣннымъ, несмотря на свое категорическое заявленіе, что царство Христово по своему духу и цѣлямъ не отъ міра сего, что оно держится не вещественными силами, и власть его дѣйствуетъ не мірскимъ оружіемъ. Авторъ возстаетъ противъ „новѣйшаго рачіонализма въ политикѣ“, провозглашающаго принципъ: свободная церковь въ свободномъ государствѣ. Въ этой фразѣ, говоритъ онъ, скрывается ошибочная мысль—предоставить церковь *себѣ* самой, такъ чтобы ни государство не имѣло и не признавало надобности принимать участіе въ церкви, ни церковь не считала бы себя въ правѣ требовать участія со стороны государства. Въ такихъ случаяхъ, рассуждаетъ онъ, церковь, какъ самодѣйствующая духовная сила, могла бы существовать внѣ государства, хотя и не легко представить себѣ при этомъ ея внѣшнее благоденствіе; но государство не можетъ существовать безъ силы духовной, т. е. нравственной, если не хочетъ обратиться въ скопище безнравственныхъ людей, живущихъ одною физическою силою. „Уничтожая въ себѣ или отрицая церковь, государство отрицало бы само себя; оно рушится, какъ тѣло безъ души ¹⁾. Какъ видно, канонистъ грубо смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя вещи, обособленіе церкви и государства съ отрицаніемъ и уничтоженіемъ церкви, устраненіе насилія и принужденія въ дѣлахъ вѣры съ признаніемъ нравственной необязательности религіозныхъ идеаловъ. Народъ, составляющій государство, нравственно обязанъ глубоко цѣнить христіанскіе религіозные идеалы и прилагать всѣ нравственныя силы къ созиданію церкви Христовой, но изъ самого уваженія къ ней онъ не долженъ къ этому святая святыхъ прикасаться своими принудительными внѣшними средствами. Какъ церковь

1) Православное обозрѣніе 1865 г., I, стр. 510 и д.

должна отвергнуть въ дѣлѣ вѣры всякое прямое и косвенное принужденіе, какъ ненужныя для нея, такъ и государство, если оно въ лицѣ своихъ членовъ вѣрить въ святость и великую нравственную силу церкви, не должно для поддержанія ея прибѣгать къ какому-либо насилію.

Въ самое послѣднее время враждебное отношеніе къ идеѣ отдѣленія церкви отъ государства нашло себѣ пищу въ безтактной политикѣ французскаго правительства, очень серьезно скомпрометировавшаго ни въ чемъ неповинный принципъ. Какъ мы уже говорили, государственное право, устанавливая юридическія обязательныя нормы, должно быть одинаково далеко какъ отъ утвержденія, такъ и отъ отрицанія какихъ либо религіозныхъ истинъ. Утверждая или отрицая ихъ, государственное право тѣмъ самымъ начинаетъ уже догматизировать. Кто въ политикѣ сталъ бы проводить мысль, что религія есть пережитокъ, тотъ былъ бы настолько же правъ, какъ если бы онъ возводилъ въ обязательный государственный законъ исповѣданіе какой-нибудь опредѣленной религіи. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково являлся бы въ государственномъ правѣ религіознымъ метафизикомъ. Въ подобную грубую ошибку впали многіе изъ французскихъ политическихъ дѣятелей, требовавшихъ отдѣленія церкви отъ государства. У нихъ борьба противъ союза церкви и государства явилась въ значительной степени борьбой противъ церкви и даже христіанства. И этого они не скрывали. Напримѣръ Анатоль Франсъ, извѣстный писатель и политическій дѣятель, настаивая въ своей книгѣ „Церковь и республика“ на полномъ отдѣленіи церкви и государства, чуть не въ каждой строкѣ даетъ почувствовать читателю свое желаніе путемъ такого отдѣленія погубить христіанство и церковь. Правда, и то и другое онъ мыслить подъ формами папскаго католицизма, но основная ошибка оттого не дѣлается меньше. Къ этому слѣдуетъ присоеди- нить и то, что борьба французскаго правительства противъ церкви и церковнаго вліянія, хотя и мотивируется обыкновенно лишь реакціоннымъ направленіемъ католицизма, на самомъ дѣлѣ имѣетъ и другіе поводы. Не безъ основанія даже Каутскій видитъ ихъ въ недовольствѣ французской буржуазіи многочисленностью христіанскихъ праздниковъ и церковныхъ благотворительныхъ заведеній. Праздники, гово-

рить онъ, являются для буржуазіи шипомъ въ глазу, такъ какъ они ограничиваютъ эксплуатацію рабочихъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о благотворительныхъ церковныхъ учрежденіяхъ, спасающихъ пролетаріи отъ голодной смерти. Капиталь требуетъ, чтобы всѣмъ неимущимъ внѣ мѣста ихъ эксплуатаціи вездѣ грозила голодная смерть. Наконецъ буржуазія не могла никогда безъ зависти смотрѣть на скопленные церковью сокровища, хранящіяся часто безъ всякаго употребленія и эксплуатаціи. Разграбленіе церквей и монастырей было всегда любимымъ дѣломъ королей, полководцевъ и правительствъ ¹⁾. Придя къ идеѣ отдѣленія церкви и государства по мотивамъ, которые не могутъ быть признаны правильными и съ государственной точки зрѣнія, правительство свободной Франціи прибѣгло при этомъ къ грубымъ, некультурнымъ приѣмамъ, закрывая церковныя школы, разгоняя монаховъ и т. д. Едва ли можно заподозрить въ особой нѣжности къ католической церкви марксиста Каутскаго, но и тотъ безусловно осуждаетъ тактику французскаго правительства. „Если конгрегаціи получаютъ большое и все растущее вліяніе, писалъ онъ еще въ 1902 году, то это вина не столько конгрегацій, сколько буржуазнаго государства, потому что такого вліянія конгрегаціи могли достигнуть только благодаря тому, что оно грубо пренебрегало своими обязанностями. Развѣ только конгрегаціи виноваты въ томъ, что еще теперь почти 2 милліона людей—почти треть всѣхъ дѣтей школьнаго возраста во Франціи обучаются конгрегаціями?... Пусть переложатъ школьные расходы съ общинъ на государство, пусть предъявятъ самыя строгія требованія къ учителямъ, независимо отъ того, преподаютъ ли они въ частныхъ или общественныхъ школахъ, пусть въ послѣднихъ снабжаютъ дѣтей необходимыми учебными книгами и обѣдами—и вліяніе церкви на школу и населеніе будетъ поколеблено сильнѣе, чѣмъ изгнаніемъ изъ школъ нѣсколькихъ монахинь... Буржуазное государство смотритъ на народную школу преимущественно, какъ на средство господства; учитель конгреганистъ не нравится ему не потому, что онъ затемняетъ сознаніе народа, а потому, что онъ независимъ отъ государственной власти... Какъ со школой, такъ же

1) Каутскій. Соціалдемократія и католическая церковь. 1906 г. стр. 27—31.

обстоить дѣло и съ благотворительными учрежденіями. И здѣсь пробѣлъ, оставленный буржуазнымъ государствомъ, до такой степени общезвѣстенъ, и нежеланіе заполнить его такъ велико, что оно даже и не пытается представить, будто хочетъ сдѣлать конгрегаціи ненужными и въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ достаточное государственное страхование рабочихъ отъ безработицы и неспособныхъ къ работѣ, достаточное расширеніе общедоступной лѣчебной помощи, съ достаточной оплатой занятаго въ этомъ дѣлѣ персонала, совершенно бы парализовали дѣятельность конгрегацій и значительно ограничили бы ихъ вліяніе на населеніе. Но и для этого у буржуазнаго государства нѣтъ денегъ, и вмѣсто того, чтобы тратить ихъ на помощь бѣднымъ и больнымъ пролетаріямъ, французскіе свободомыслящіе и масоны предпочитаютъ предоставить послѣднихъ на попеченіе конгрегаціи ¹⁾. Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи превратилось собственно въ борьбу государства противъ церкви и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ давать истиннаго представленія о самомъ принципѣ отдѣленія.

Расторженіе союза между церковью и государствомъ внушаетъ многимъ опасенія за будущія судьбы церкви. Но въ этомъ опасеніи одинаково мало какъ вѣры въ непобѣдимость церкви, такъ и психологической и исторической наблюдательности. Можетъ быть ничто такъ не ослабляетъ и не парализуетъ духовныя силы человѣка и общества, какъ внѣшнее содѣйствіе, покровительство, привиллегіи. Чѣмъ острѣе стальной мечъ, тѣмъ тупѣе мечъ духовный. Что покровительство государства церкви убиваетъ духъ, порождаетъ раболѣпіе, усыпляетъ святое мужество, вноситъ обміршеніе въ церковь, развращаетъ представителей церкви страхомъ за потерю покровительства,—кто этого не знаетъ и не замѣчаетъ. Напротивъ, вся исторія церкви отъ первыхъ гоненій на христіанъ вплоть до бисмарковскаго культуркампа, свидѣтельствуетъ о томъ, что преслѣдованія государства всегда внутренне укрѣпляли церковь, пробуждали ее отъ блаженнаго сна и въ концѣ концовъ содѣйствовали ея внѣшнему распространенію.

¹⁾ Каутскій, Соціалдемократія и католическая церковь. 1906 г. Стр 48—50.

Не смотря на всю теоретическую правильность принципа отдѣленія церкви отъ государства, было бы ошибкой думать, что оно можетъ быть осуществлено въ Россіи въ наше время. Государство и церковь до такой степени подверглись у насъ процессу диффузіи, что произвести полное разъединеніе ихъ сразу немислимо. Законы не могутъ слишкомъ опережать жизнь; иначе они не будутъ имѣть подъ собою реальной почвы и останутся лишь на бумагѣ. Съ другой стороны проводить принципъ свободы путемъ насилія надъ совѣстью и міровоззрѣніемъ народной массы не можетъ входить въ задачу государства. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ состоялось отдѣленіе церкви, были къ тому особенныя благопріятныя обстоятельства, какихъ у насъ нѣтъ. Такъ въ Ирландіи оно было проведено Гладстономъ въ 1869 г. благодаря тому, что господствовавшая тамъ англиканская церковь составляла ничтожное меньшинство населенія. Въ Америкѣ государство съ самаго начала имѣло дѣло съ представителями различныхъ вѣроисповѣданій, искавшими здѣсь религіозной свободы, въ которой имъ отказывали на родинѣ. Во Франціи сама церковь подготовила отдѣленіе своимъ реакціоннымъ и антиреспубликанскимъ направленіемъ. Да и все же процессъ отдѣленія прошелъ здѣсь небезболѣзненно. Помимо всего этого въ самомъ существѣ государства кроются повидимому неустранимыя причины безразличнаго отношенія его къ тѣмъ или другимъ религіознымъ общинамъ. Государство никогда не ограничиваетъ своихъ задачъ охраной свободы и правъ гражданъ; оно преслѣдуетъ всегда опредѣленные конкретныя цѣли, которыя въ разное время и у разныхъ народовъ бываютъ различны. Естественнo смотря на все съ точки зрѣнія этихъ цѣлей, оно не можетъ совершенно одинаково относиться къ религіознымъ общинамъ, содѣйствующимъ и препятствующимъ осуществленію его намѣреній. Это обстоятельство ставитъ нѣкоторыя церковныя общины въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ государствомъ, въ отношенія взаимнаго покровительства, при которыхъ и церковь, и государство стараются найти другъ въ другѣ орудіе своихъ цѣлей. Но послѣднее на дѣлѣ болѣе удается государству, чѣмъ церкви.

Сила указаннаго обстоятельства сказалась даже тамъ, гдѣ проведено отдѣленіе церкви отъ государства. Въ Америкѣ,

напримѣръ, государство содержитъ извѣстный штатъ духовныхъ лицъ на судахъ своего флота и въ смиренныхъ домахъ, предоставляетъ духовенству нѣкоторыя общественныя привиллегіи, ограничиваетъ права религіозныхъ общинъ относительно приобрѣтенія собственности, заботится о томъ, чтобы рѣшительное вліяніе на управленіе церковнымъ имуществомъ находилось въ рукахъ мірянъ, предписываетъ чтить воскресный день и т. д. Но со всею силою естественная заинтересованность государства въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ гражданъ выразилась въ церковной политикѣ западно-европейскихъ государствъ. Въ общемъ эта политика построена на принципѣ паритетнаго отношенія государства къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Ни одно исповѣданіе не признается въ государствѣ господствующимъ и не пользуется особыми привиллегіями. Всѣ религіозныя общины, допущенныя государствомъ, пользуются въ равной степени покровительствомъ законовъ. Принадлежность гражданина къ тому или другому исповѣданію не влечетъ за собой никакихъ особыхъ правъ или невыгодъ въ государственномъ смыслѣ. Переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое совершенно свободенъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ государство требуетъ, чтобы церковная дисциплина ограничивала свое дѣйствіе церковной сферой, но не касалась физической личности, имущества, свободы или гражданской чести наказываемаго. Подчиненіе церковнымъ мѣрамъ взысканія должно быть доброй волей каждаго; никакого принужденія со стороны органовъ церковной власти не допускается.

При всемъ томъ здѣсь остается еще довольно значительная зависимость религіозныхъ общинъ отъ государства. Последнему усвоится три категоріи правъ церковнаго характера: *jus reformandi*, *jus advocatiae*, *jus inspectionis*. 1) *Jus reformandi* предоставляетъ государству право допустить или не допустить извѣстное вѣроисповѣданіе, а если допустить, то на правахъ или публичной привилегированной корпораціи или частнаго терпимаго общества. Въ первомъ случаѣ церковная община получаетъ право юридическаго лица, совершители богослуженія пользуются правами государственныхъ чиновниковъ, храмы считаются привилегированными зданіями государства. Терпимое же религіозное общество можетъ отправлять лишь частное, а не публичное богослуже-

ніе, безъ права употреблять колокола и совершать религіозныя процессіи внѣ стѣнъ богослужебнаго зданія; безъ особаго дозволенія правительства оно не въ правѣ имѣть корпоративную церковную собственность. 2) *Jus advocatiae*—по отношенію къ терпимымъ религіознымъ обществамъ выражается въ обезпеченіи безпрепятственнаго отправленія богослуженія, въ огражденіи ихъ отъ религіозныхъ оскорбленій и насилій и т. п.; въ отношеніи же къ привилегированнымъ обществамъ оно можетъ проявляться въ заботахъ о построеніи и украшеніи храмовъ, о доставленіи средствъ содержанія духовенства, духовныхъ школъ и миссій, въ содѣйствіи проведенію въ исполненіе предписаній церковной власти, въ предпочтительномъ обращеніи къ извѣстному вѣроисповѣданію за совершеніемъ молебствій въ дни гражданскихъ торжествъ и т. д. Наконецъ 3) *jus inspectionis* предоставляетъ государству широкой контроль надъ жизнью церковныхъ общинъ съ государственной и общественной точки зрѣнія. Въ интересахъ общественной безопасности государство въ правѣ знать обо всемъ, что дѣлается въ богослужебныхъ собраніяхъ, что проповѣдуется въ пастырскихъ поученіяхъ, въ правѣ требовать политической благонадежности отъ кандидатовъ на духовное званіе, слѣдить, чтобы духовная школа воспитывала не только добрыхъ пастырей, но и честныхъ гражданъ и слугъ государства, и вообще наблюдать за всѣми дѣйствіями обществъ и ихъ представителей съ точки зрѣнія государственной безопасности и порядка ¹⁾).

Мы видимъ отсюда, какъ дорожитъ современное культурное государство остатками прежнихъ связей съ церковью. Преслѣдуя свои собственные, но конечно не религіозные интересы, оно не желаетъ окончательно выпустить изъ своихъ рукъ церковную сферу и, чтобы имѣть больше возможности регулированія и контроля надъ нею, оно не прочь предоставить болѣе вліятельнымъ вѣроисповѣданіямъ нѣкоторыя привилегіи, хорошо помня непреложный законъ *do ut des*. Чѣмъ больше даетъ оно привилегій извѣстному исповѣданію, тѣмъ болѣе оно получаетъ возможности ока-

1) См. Проф. Бердниковъ. Краткій Курсъ церковнаго права 1888. Стр. 269—276. Рейснеръ Государство и вѣрующая личность. Стр. 112 и д.

зывать на него вліяніе. Привилегированность превращается обыкновенно въ государственность. Едва ли не единственное исключеніе изъ этого правила мы встрѣчаемъ въ Бельгii, гдѣ отдѣленіе церкви отъ государства соединяется съ государственнымъ содержаніемъ церкви. Но исключеніе это мнимое. Оно объясняется тѣмъ, что въ этой странѣ государствомъ править католическая клерикальная партія.

Указанныя нами два обстоятельства, именно невозможность сразу порвать тѣсный союзъ православной церкви съ государствомъ и чрезвычайная трудность для государства съ полнымъ безразличіемъ относиться ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, едва ли могутъ оставить сомнѣніе въ томъ, что въ ближайшемъ будущемъ принципъ отдѣленія церкви отъ государства, о которомъ мечтаютъ наши радикальныя политическія партіи, не можетъ быть проведенъ въ Россіи. И хотя церковная политика нашего правительства скоро направится въ сторону этого принципа, однако она не избѣжитъ тѣхъ стадій, на которыхъ стоятъ теперь европейскія государства. Да и къ нимъ перейдетъ она вѣроятно не сразу. Первою задачею ея будетъ несомнѣнно болѣе послѣдовательное проведеніе начала вѣротерпимости чѣмъ то, какое имѣетъ мѣсто въ указѣ 17 апрѣля 1905 г.

Въ законѣ о вѣротерпимости есть немало весьма существенныхъ пробѣловъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что законодатель не имѣлъ передъ собою твердаго и яснаго принципа. Съ одной стороны комитетъ министровъ, какъ видно изъ журналовъ его, признаетъ, что „убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ либо неправомѣрномъ дѣяніи... Религіозная свобода принадлежащихъ къ сектамъ лицъ не можетъ быть стѣсняема, пока вредное заблужденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльных лицъ. Если же проявленіе вѣрованій сопряжено съ опасностью для общественной нравственности или спокойствія, то мѣры борьбы должны быть направлены не путемъ ограниченія духовной свободы, но пресѣченіемъ и преслѣдованіемъ на основаніи уголовного закона“. Здѣсь высказывается совершенно правильная государственная точка зрѣнія на свободу совѣсти. Но съ другой стороны комитетъ министровъ выражаетъ „рѣшительное убѣжденіе, что измѣ-

неніями этими отнюдь не должно быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующую, господствующую въ російской имперіи вѣру христіанскую, православную, католическую, восточнаго исповѣданія“. Комитетъ думаетъ, что „прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія... нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтствовало бы глубокому сознанию истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой и едва ли вызывается надобностью въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ“. Здѣсь комитетъ министровъ становится на противоположную и явно неправильную точку зрѣнія, будто государство, не имѣющее права контролировать и стѣснять убѣжденія совѣсти, въ то же время законодательнымъ путемъ можетъ выражать глубокое сознание истинности Христовой вѣры. Внутреннее противорѣчіе, въ какое впалъ комитетъ министровъ, устанавливая отношеніе государства къ вопросамъ вѣры, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ оставленіе въ силѣ нѣкоторыхъ старыхъ полицейскихъ мѣръ къ охранѣ православной и вообще христіанской вѣры. Такъ новый законъ, допуская свободу перехода въ границахъ христіанскихъ исповѣданій, запрещаетъ переходъ изъ христіанскаго исповѣданія въ нехристіанское и вообще выходъ изъ исповѣданія безъ присоединенія къ какой либо опредѣленной вѣрѣ. По новому закону лишь православная церковь имѣетъ право на пропаганду. Новое уголовное положеніе караетъ въ уголовномъ порядкѣ всѣхъ виновныхъ „въ произнесеніи или чтеніи публично проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное исповѣданіе или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ“. Остались въ силѣ и нѣкоторыя другія ограниченія по отношенію къ старообрядцамъ, евреямъ и другимъ исповѣданіямъ. Устраненіе всѣхъ этихъ стѣсненій свободы вѣры должно быть ближайшимъ дѣломъ церковной политики Россіи.

Лишивъ такимъ образомъ церковь своей полицейской защиты, государство естественно освободить ее отъ своей полицейской опеки. Оно предоставитъ церкви права широкаго самоуправленія и откажется отъ всякаго прямого вмѣша-

тельства во внутреннюю церковную жизнь. Однако полная автономія едва ли будетъ дана церкви. Косвенное вліяніе на церковную жизнь государство вѣроятно сохранить, хотя и будетъ подходить къ ней исключительно со стороны культурно-государственныхъ интересовъ и видовъ. Однимъ изъ средствъ для нѣкотораго регулированія церковной жизнью будутъ конечно тѣ привиллегіи, которыя государство не рѣшится, да и не пожелаетъ отнять у церкви. Къ числу ихъ относится прежде всего государственная субсидія церкви. Съ точки зрѣнія государственной матеріальной помощи церковнымъ общинамъ не представляетъ собою ничего ненормального. Религіозный культъ несомнѣнно есть одна изъ самыхъ общихъ человѣческихъ потребностей, и потому охраненіе его отъ всякаго стѣсненія, поруганія и возможное содѣйствіе ему должно составлять одну изъ обязанностей государства по отношенію къ гражданамъ. Съ другой стороны просвѣтительныя и воспитательныя задачи, какія ставятъ себѣ церковныя общины, имѣютъ положительное значеніе для культурныхъ цѣлей государства и потому даютъ право на государственное покровительство. Последнее можетъ выражаться между прочимъ въ матеріальной помощи. Эта мысль считается въ настоящее время настолько естественной, что французскіе сторонники отдѣленія церкви отъ государства мотивировали отказъ въ государственномъ содержаніи церкви не столько принципиальными соображеніями, сколько указаніемъ на незначительность числа вѣрующихъ католиковъ во Франціи. Такъ Анатоль Франсъ считаетъ нужнымъ сослаться при этомъ на Тэна, по которому на 38 милліоновъ населенія Франціи приходится лишь 44 тысячи истинныхъ католиковъ,—на епископа Дюпанлу, насчитывавшаго въ своей епархіи изъ 350 тысячъ католиковъ лишь 37 тысячъ причащающихся,—на депутата Жюля Деллафосса, говорившаго, что между Индрой и Крѣзой крестьяне не любятъ религіозныхъ обрядовъ, что хотя въ каждой общинѣ и имѣется церковь и священникъ, но скоро послѣдній въ единственномъ числѣ будетъ посѣщать храмъ. Можно думать, что и наши прогрессивныя политическія партіи принципиально не будутъ возражать противъ государственныхъ субсидій въ пользу церкви. Стоя на почвѣ соціальной политики, направленной къ экономическому уравниенію классовъ, онѣ не захотятъ возло-

жить новаго тяжелаго бремени на бѣдное населеніе. Уже въ настоящее время наши крестьяне обременены церковными поборами не менѣе, чѣмъ общественными. Въ случаѣ же прекращенія государственныхъ субсидій, эти поборы должны еще болѣе увеличиться. Такимъ образомъ главная тяжесть содержанія церкви ляжетъ на неимущіе классы. Само собою разумѣется, что при государственномъ равноправіи всѣхъ культовъ, государство должно оказывать матеріальную помощь всѣмъ церковнымъ общинамъ. Несправедливо обязывать всѣхъ гражданъ, принадлежащихъ къ самымъ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, поддерживать субсидіями лишь одну церковь.

За получаемую отъ государства субсидію православной церкви и впредь придется платиться нѣкоторой долей церковной свободы. Перспектива нерадостная, хотя повидимому неизбежная. Приходится утѣшаться тѣмъ, что пока не достигнута религіозная свобода внутри церкви, нельзя быть слишкомъ чувствительнымъ и къ нѣкоторымъ ограниченіямъ ея со стороны государства, тѣмъ болѣе, что одно зло въ данномъ случаѣ можетъ даже находить себѣ противоядіе въ другомъ. Однако было бы гораздо лучше, еслибы церковь постаралась встать на собственные ноги и приготовиться ко всякимъ превратностямъ въ будущемъ. Но объ этомъ въ другой разъ.

В. Мышцынъ.
